

Стихирарь 1380 г. написан хорошим уставом, письмо ровное, выдержано в едином стиле до последнего листа. Видно, что писец был опытный. Рукопись украшена тератологической заставкой, которая состоит из восьми хищного вида животных. Расцвечена заставка яркими красками — желтой, синей и зеленой. Немногочисленные инициалы старовизантийского стиля менее интересны. Расцвечены они так же, как и заставка, т. е. рисованы несомненно одной и той же рукою. Кроме того, на обороте 56-го листа в левом нижнем углу красками нарисована полуфигура бородатого человека с непокрытой головой. В упомянутом уже письме к игумену Кириллу Елифаный говорит о себе, что он был художник («изволися и мне аки изографу», сообщает он, написать в одной книге в четырех местах изображение св. Софии в Царьграде по образцу, полученному от Феофана).⁵⁸ Поэтому художественное оформление Стихираря 1380 г., если он действительно написан Елифанием Премудрым, надо отнести целиком на его счет.

Можно думать, что при жизни Сергия книгописание в Троицкой лавре не имело еще характера планомерного процесса, направлявшегося волей самого Сергия. Оно, видимо, осуществлялось в основном в силу личной потребности того или иного монаха в какой-то книге, по частной инициативе. Другое дело — троицкое книгописание при Никоне Радонежском (около 1395—1427 гг.). Никон был цепким, стяжательным хозяином. В отличие от Сергия, совмещавшего в себе игумена и крупного церковного и государственного деятеля, неоднократно исполнявшего ответственные поручения митрополита и великого князя, у Никона на первом плане стояли исключительно местные интересы, заботы о расширении, обогащении и благоустройстве обители. Исполнял он свои обязанности игумена ревностно, и к вящей славе Сергия и самого себя ему удалось поднять монастырское хозяйство на такую высоту и завести в нем такой образцовый порядок, что это наложило отпечаток даже на переписку книг. Она приобрела черты последовательного занятия большой группы иноков, которые, вероятно, были обязаны нести монашеское послушание исключительно по части книгописания, т. е. безостановочно пополнять монастырскую библиотеку все новыми и новыми списками Священного писания, богослужебных текстов, а особенно произведениями аскетическо-созерцательной богословской литературы, какими были творения Василия Великого, Иоанна Лествичника, аввы Дорофея, инока Филиппа, Симеона Богослова, Исаака Сирина, Петра Дамаскина и многих других. Начиная с 1411 г. мы уже можем проследить эволюцию троицкой книгописной мастерской по рукописям, хронологические промежутки даже между датированными экземплярами которых обычно не превышают двух-четырех лет — случай, не имеющий аналогии ни в одном другом московском или подмосковном монастыре.

Чтобы оценить значение Никона в культурно-просветительной истории лавры должным образом, надо помнить, что как в Троице-Сергиевом монастыре, так и во многих монастырях, получивших начало от монастыря Троицкого, на рубеже XIV—XV вв. внутренняя жизнь строилась сравнительно с монастырями более раннего времени по общежитному принципу. Это значит, что в обители все имущество было общим, и вся братия

полагается, он был и в котором он долгое время жил вместе с другим выдающимся книжником и знатоком греческого языка Стефаном Пермским. Подробности см.: Е. Голубинский. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра, стр. 3—7 (примечание); А. Седельников. Из области литературного общения в начале XV века (Кирилл Тверской и Елифаный «московский»), стр. 173.

⁵⁸ В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа, стр. 114.